

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

КИ-ТАВО

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТАНЫ СИЛАКОВОЙ

Чувство истории

«Ки-таво» начинается с церемонии приношения первых плодов в Храм. Она подробно описана в Мишне (Бикурим, глава 3): «Близкие (те, кто живет близ Иерусалима) приносят смоквы и виноград, а дальние (те, кому до него долго добираться) приносят инжир и изюм. Перед ними идет бык. Его рога позолочены, и оливковый венок на голове.

Флейтисты, [идушие] впереди, задают ритм, пока не прибудут в окрестности Иерусалима. Когда прибывают в окрестности Иерусалима, отправляют вперед посланца и украшают первые плоды. Высокопоставленные священники, левиты и казначеи (Храма) выходят им навстречу – по чину входящих выходили. И все мастеровые Иерусалима встают перед ними и приветствуют: «Братья, жители такого-то места, с благополучным прибытием!»¹

Флейта задавала ритм впереди них, пока они не доходили до Храмовой горы. А когда доходили до Храмовой горы, даже царь Агриппа брал свою корзину на плечо и сам вносил ее в передний Храмовый двор. Церемония была великолепная. Однако в историческом контексте ее самый существенный момент – заявление, которое должен был сделать каждый: «Мой отец был

скиталец-арамей, и он спустился в Египет с немногими людьми и жил там, и стал великим народом, сильным и многочисленным... И тогда Г-сподь вывел нас из Египта мощной рукой и простертой дланью, [явив] страшные и великие [дела], знамения и чудеса»² (Дварим, 26:5–10).

Отрывок, известный всем и каждому. Со временем его включили в Пасхальную агаду: этот текст разъясняют в ночь седера на Песах. Но, хотя он нам прекрасно знаком, мы должны учесть: на самом деле текст революционный. Внимая этим словам, мы становимся свидетелями одного из величайших переворотов в истории человеческой мысли.

Древние видели божеств в природном мире, особенно отчетливо – когда задумывались о сборе урожая и обо всем, чем сопровождались эти работы. Природа неизменна. В природном мире время циклично: смена времен года, круговое движение планет в небе, цикл рождения, смерти и новой жизни. Когда древние размышляли о прошлом, в их воображении возникало не историческое прошлое, а прошлое мифологическое/метафизическое/космологическое: первобытное «время до начала времен», когда в противоборстве стихий формировался мир.

¹ Мишна. Раздел «Зраим» [«Посевы»]. М: Книжники; Легаим, 2012. С. 582–583.

² Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Мой праотец был скиталец-арамей. Он пришел в Египет с немногими людьми

и жил там как переселенец. Там он стал великим, сильным и многочисленным народом... Г-сподь вывел нас из Египта мощной рукой и простертой дланью, [явив] страшные и великие [дела], знамения и чудеса». — Примеч. перев.

Но Древнему Израилю такое мировоззрение не было свойственно. Хотя предпосылки были. Будь иудаизм религией другого типа, люди, приносящие первые плоды, декламировали бы, возможно, хвалебную песнь Б-гу как Создателю тварного мира и Кормильцу, питающему все живое. Несколько подобных песен мы находим в Теилим: «Пойте Г-споду благодарственный гимн; пойте Б-гу нашему под аккомпанемент арфы. Он покрывает небеса облаками, посылает дождь земле, возвращает траву на горах и хлеб, питающий Его сердце»³ (Теилим, 147:7–8).

Заявление при приношении первых плодов существенно потому, что в нем говорится не о природе, а об истории: звучит краткий обзор событий со времен праотцев до Исхода и последующего завоевания страны.

За этим стоит переворот в мышлении, блестяще описанный Йосефом-Хаимом Йерушальми: «Именно Древний Израиль впервые приписал истории решающее значение и тем самым сформировал новое мировоззрение... Казалось, ключевая встреча человека с божеством внезапно переместилась из сферы природы и космоса в плоскость истории, которая теперь мыслилась как трудное задание, исходящее от Б-га, и отклик человека на это задание... Сами обряды и праздники в Древнем Израиле — уже не преимущественно повторения мифологических архетипов, которые должны отменить историческое время. Все упоминания о прошлом в них касаются не первобытного, а исторического прошлого, когда стали реальностью грандиозные и решающие моменты истории Израиля... Только в Израиле и более нигде повеление помнить воспринималось как религиозный императив, адресованный всему народу» («Захор: Еврейская история и еврейская память»).

Эта история не была академической дисциплиной, вотчиной профессиональных ученых или образованной элиты. Она принадлежала всем. Это заявление

декламировали все. Знание истории своего народа было признаком принадлежности к общине верующих. Мало того, заявление полагалось делать от первого лица: «Мой отец... И тогда Г-сподь вывел нас из Египта... Он привел нас на это место».

История не просто усваивается, а впитывается сердцем. Вот почему законоучители Талмуда заметили: «Во всех поколениях каждый человек должен смотреть на себя так, как будто он сам вышел из Египта»⁴ (Мишна Псахим, 10:5). Это история, претворенная в память.

Быть евреем — значит быть участником истории, которая простирается на сорок столетий и почти на все страны нашей планеты. Исайя Берлин выразил эту мысль так: «Все евреи, которые хотя бы отчасти осознают свою еврейскую идентичность, укоренены в истории. У них самая долгая память, они осознают, что преемственность в их сообществе существует дольше, чем у любого другого сообщества, сохранившегося до наших дней... Уникальный сплав, в котором все остальные народы (хотя сами евреи не всегда) моментально опознают еврейский народ, состоит и из иных ингредиентов, но какими бы ни были эти составляющие, одна из самых ярко выраженных — историческое сознание, то есть чувство преемственности по отношению к прошлому»⁵.

Хотя иудаизм делает упор на индивидуальности, ему присуще свое, специфичное понимание сути индивидуума. Никто из нас не одиночка. Иудаизму чужда идея индивидуума как самодостаточного атома, как «я», живущего само по себе и только для себя, которую мы находим в западной философии, начиная с Гоббса.

В иудаизме, напротив, идентичность каждого из нас соединена горизонтальными связями с другими индивидуумами: родителями, супругой или супругом, детьми, соседями, членами общины, согражданами, соплеменниками-евреями. Также каждый из

³ Так в английском тексте, процитированном автором. В русском переводе М. Левинова: «...покрывает зеленую горы. Он дает пищу скоту, каркающим воронам». См.: Книга Псалмов [Теилим] М.: Книжники; Лехаим; F.R.E.E., 2016. С. 189. — Примеч. перев.

⁴ Так в английском переводе. В русском переводе: «Во всех поколениях человек должен считать, как будто он сам вышел из Египта». См.: Мишна. Т. 1: Раздел «Моэд» [«Время»]. С. 456. — Примеч. перев.

⁵ Исайя Берлин. Бенджамин Дизраэли, Карл Маркс и поиски идентичности // Against the Current. P. 252.

нас встроено в вертикальные связи с предыдущими поколениями, с теми, чья история жизни становится для нас своей.

Быть евреем — значит быть звеном в цепи поколений, персонажем драмы, которая началась задолго до нашего рождения и будет продолжаться долго-долго, когда нас уже не станет.

Иудаизм настаивает на том, что память — неотделимая часть идентичности. Мы не пришельцы из ниоткуда; а история нашей жизни не закончится на нас. Мы листья на ветвях древнего дерева, главы долгого повествования, которое пишется даже в эту самую минуту, буквы в свитке Книги, которую читает народ Книги.

Это чувство истории весьма знаменательно. Оно отражает тот факт (кстати, одну из главных тем Библии), что не все делается сразу: людям нужно время, чтобы научиться мудрости, духовно вырасти, возвыситься над своими инстинктами, часто нездоровыми и губительными, и, наконец, прийти к нравственной и духовной зрелости и построить общество, где в чести человеческое

достоинство и великодушие. Именно поэтому завет имеет протяженность во времени, именно поэтому, согласно мудрецам Талмуда, единственными надежными поручителями завета на горе Синай смогли стать только еще не рожденные дети.

В земном мире мы не можем достичь бессмертия. Но можем обрести его ближайший аналог: осознать, что мы хранители надежд наших предков и попечители завета, работающие во имя будущего.

Это осознавали люди во времена Храма: принося в Иерусалим первые плоды, они восславляли не природу, а историю своего народа с тех дней, когда «мой отец был скиталец-арамей», до своей современности.

Моше в своем последнем обращении к потомкам сказал: «Вспомни древние времена, подумай о былых годах. Расспроси своего отца — пусть он расскажет тебе, и своих старцев — пусть поведают они» (Дварим, 32:7).

Быть евреем — значит знать, что история нашего народа продолжает жить в наших сердцах.